

РАННЯЯ КОМЕДИЯ Д. И. ФОНВИЗИНА

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ «НЕДОРОСЛЯ»

Публикация Г. Коровина

В рукописном отделении Института Русской Литературы Академии Наук СССР хранится любопытная рукопись (из собрания П. Я. Дашкова), представляющая собою два варианта ранней комедии Д. И. Фонвизина, названной так же, как его позднее знаменитое произведение «Недоросль» и представляющей как бы первоначальную редакцию ее.

Первый из этих вариантов дает текст трех первых действий комедии и переписан в значительной части рукой самого Фонвизина (другая часть—рукой писца). Второй список, менее полный (отсутствует начало пьесы и несколько явлений 2-го и 3-го действий), является копией первого, сделанной писцом, с рядом незначительных авторских дополнений и исправлений.

Текст первого раннего Фонвизинского «Недоросля» значительно отличается от текста общеизвестной, сценической, редакции поздней одноименной комедии. Поэтому именно мы имеем все основания говорить в данном случае не о двух редакциях, а о двух пьесах на сходную тему, принадлежащих перу того же автора.

Оба «Недоросля» отличаются не только наименованием действующих лиц и даже числом и характеристикой отдельных персонажей, но и самым замыслом пьесы и всем ее построением.

«Недоросль» в настоящей редакции не есть еще комедия характеров, какой в значительной мере она является в редакции позднейшей, но представляет собою лишь ряд нравоописательных сцен, драматически мало друг с другом связанных и не объединенных одной интригой, роль которой в позднем тексте пьесы играет борьба трех претендентов—Скотинина, Митрофана и Милона—за обладание рукой Софьи.

В этом отношении ранний «Недоросль» по своему построению ближе к «Бригадиру», для которого также характерно отсутствие единого драматического действия и распадение пьесы на ряд сцен, представляющих собою самодовлеющий интерес. Правда, в «Бригадире» уже явно намечается принцип комической характеристики отдельных персонажей, например французский язык Иванушки и Советницы, скупость Бригадирши и т. д., развитый впоследствии в окончательной редакции «Недоросля» (любовь Скотинина к свиньям, характеристики учителей Митрофана) и незаметный в данном отрывке первоначальной редакции комедии¹.

Публикуемый ниже текст всецело еще примыкает к сумароковской традиции построения комедии, для которой характерна слабая связанность отдельных сцен и постоянное перебивание действия вставными эпизодами, комическими интермедиями и т. п.

Русская комедия характеров, зависящая от западной буржуазной драмы, первым образцом которой явился «Мот, любовью исправленный» Лукина (1765) и в развитии которой важным этапом был «Недоросль» в его поздней редакции, при создании настоящего текста пьесы не сыграла сколько-нибудь значительной роли. Это явствует и из общего задания пьесы, нравоописательной по преимуществу, и из трактовки отдельных персонажей.

Только одна тема, тема воспитания недоросля, в частности обучения его грамоте, целиком перешла из раннего «Недоросля» в поздний текст. Основные же темы и характеры—Простаковой, Стародума, Скотинина—в раннем тексте или вообще отсутствуют, или даны в совершенно иной трактовке.

Прежде всего отсутствует та отчетливая социально-политическая тенденция, которая позволяет рассматривать позднего «Недоросля» как один из заметных документов борьбы либерального дворянства, крупных помещиков и аристократов, с за-

сильем дворянских «низов», с диким крепостничеством и произволом как провинциала Скотинина в деревне, так и деспота на престоле. Всей широко принципиальной тематики, характерной для позднего «Недоросля», почти вовсе нет в раннем тексте. Нет в нем и тех элементов буржуазной идеологии и буржуазной эстетики, которые использованы в позднем «Недоросле» в характерном преломлении дворянско-помещичьего либерализма. Ранний текст по преимуществу поучителен внутри своей собственной социальной группы, но не направлен как удар по врагам вне ее. Ее автор—это молодой Фонвизин, дворянский сатирик и бытописатель, но еще не Фонвизин—правая рука Никиты Панина, политический деятель, мыслитель, оппозиционер.

Что же касается построения раннего «Недоросля», то в нем отсутствует основная интрига, связывающая собою все моменты действия позднего текста,—борьба за Софью, и в списке действующих лиц самой Софьи нет.

В соответствии с этим и Милон (в этой редакции—Миловид) является не претендентом на руку Софьи, но сыном Стародума (Добромыслова)—мальчиком на три года моложе недоросля Иванушки. Его роль сводится к противопоставлению его как образованного молодого человека своевольному, неграмотному недорослю, противопоставлению скорее морально-поучительному, чем социальному.

Сам недоросль Иванушка является единственным персонажем пьесы, сохранившим свои характерные особенности в обеих редакциях: грубость, необразованность, непочтительные отношения к родителям и т. д. Но тема воспитания Иванушки, вернее самая ее постановка и трактовка, в различных редакциях комедии различна. Если в первоначальной редакции невоспитанность, необразованность недоросля Иванушки является основным сюжетом комедии и выводится скорее из культурного уклада быта его родителей, их отсталости и т. д., то в окончательной, сценической, редакции она дается как следствие, как «плоды злонаравия», т. е., в сущности, плоды социального характера Простаковой, развернутого и в индивидуальной характеристике ее.

В этой связи чрезвычайно симптоматично отсутствие в первой редакции ряда персонажей, с одной стороны, играющих активную роль в основной интриге, здесь опущенной (Скотинин, Правдин), а с другой—создающих галерею комических типов-характеров (Скотинин, учителя Митрофана), рисующих целый слой дворянства и его быт, что видимо также не входило в первоначальный замысел автора.

Но и другим персонажам, участвующим в обеих редакциях, в первой из них даны иные характеристики. Это в особенности относится к характеристике Улиты, матери недоросля, которая хотя и имеет уже некоторые особенности, перешедшие впоследствии к Простаковой, например любовь к сыну, проявляющаяся в беспрепятственном его кормлении в ущерб занятиям, но эти особенности, приобретающие в характере Простаковой определенную сатирическую остроту, здесь еще не вполне выявлены.

Характерно также, что в раннем «Недоросле» нет, как в позднем тексте, резкого разделения персонажей на безусловно положительных (Стародум, Софья, Милон, Правдин) и безусловно отрицательных (Простаковы, Скотинин). И это объясняется конечно не незаконченностью комедии, но самым принципом ее построения и, в конечном итоге, лежащим в ее основе авторским замыслом.

Основная драматическая коллизия в этой редакции заключается в столкновении двух бытовых укладов, а стало быть и двух мировоззрений—отсталого, патриархального поместного дворянства, представленного родителями недоросля, и более культурного петербургского дворянства, воспринявшего уже некоторые плоды европейской цивилизации, представленного Добромысловым; как следствия этого столкновения сопоставляются и две системы воспитания.

Поэтому сатирический показ, например отношений матери недоросля к крепостной прислуге, весьма существенный для характеристики Простаковой, в данном случае просто не входил в задачи автора, не заинтересованного еще в демонстрации галереи отрицательных типов-характеров, сатирически утрированных, а преследующего цель лишь максимально реалистического изображения культурной отсталости провинциального дворянства.

В этом отношении особенно характерен для ранней комедии прототип Стародума, Добромыслов, имеющий еще мало общего со Стародумом, «другом честных людей», и, главное, с образцом идеального русского дворянина, как он представлялся позднему Фонвизину. Здесь он отнюдь не моралист, каковым он является в позднейшей редакции, он не заимствует никаких идей у западных «просветителей»; он—только представитель и проповедник более передовой культуры и в частности более рациональной системы воспитания. Вместе с тем ему не чужды вполне земные и может быть даже не вполне моральные с точки зрения Стародума сословные стремления;

Д. И. ФОНВИЗИН

Портрет маслом К. Фогеля, писанный с натуры в Риме во время путешествия Фонвизина по Европе в 1785 г.
Публичная Библиотека, Ленинград

см. например его отношение к заочной службе и карьере его сына и т. д. Впрочем комедия в настоящей ее редакции обрывается как раз на моменте приезда Доброммыслова к родителям недоросля, и поэтому может быть образ его обрисован недостаточно ярко.

Примечательно еще то обстоятельство, что в данной редакции пьесы мы не находим следов лексической характеристики персонажей, заметной еще в «Бригадире» (ср. французский язык Иванушки и Советницы, судейские обороты в репликах Советника и т. д.) и особенно характерной для большинства действующих лиц позднейшей редакции «Недоросля», «где каждый в своем характере изречениями различается»². Индивидуализация характеристик вообще отличает поздний текст от раннего наброска.

Речь действующих лиц «Недоросля» в настоящей редакции имеет лишь одно разделение, имеющее место и в редакции окончательной: речь Доброммыслова и его сына несравненно более литературна, чем речь недоросля и его родителей. Но если речь этих последних в позднейшей редакции комедии служит одним из средств для характеристики действующих лиц вообще, их социальной позиции (ср. речь обоих учителей Митрофана и даже Вральмана, в «Бригадире» — речь Советника и Бригадира), то здесь речь «отрицательных» персонажей — самого недоросля и его родителей — при всей ее нарочитой грубости характеризует не столько их самих или их социальную группу, сколько их культурный и бытовой уровень.

Вообще же, несмотря на то, что в данном случае мы имеем только отрывок комедии, к тому же в литературном отношении представляющий конечно меньшее мастерство, нежели «Недоросль» в его окончательной редакции, все же эта первоначальная редакция пьесы интересна как попытка Фонвизина поставить впервые некоторые проблемы, развернутые по-новому в позднем тексте комедии, но поставить их еще в пределах мировоззрения и комедийной эстетики сумароковской традиции. Видимо попытка эта не была успешна, и пьеса осталась неоконченной.

Во всяком случае коренная переработка всей пьесы, нашедшая себе отражение в окончательной, сценической, редакции, свидетельствует уже о полном и сознательном отказе Фонвизина от прежней комедийной традиции и о становлении его на путь создания нового типа комедии, комедии характеров и социальной комедии.

Ниже мы даем сводный текст обоих вариантов раннего текста «Недоросля» на основе второго, более позднего, варианта, с дополнением отсутствующих в нем мест по первому списку. Этот текст публикуется здесь впервые. П. Н. Полевой в «Истории

русской словесности»³ указывает на существование этой редакции и в особом приложении дает фототипическое воспроизведение двух страниц первого варианта этой редакции, именно начала 2-го и 3-го действий.

Кроме того в упомянутой ниже рукописной записке он сообщает, что рукопись этой редакции была использована в качестве экспоната на какой-то выставке, может быть на выставке в ознаменование столетия со дня первого представления «Недоросля» в С.-Петербурге (1782 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Однако это не дает достаточных оснований для отнесения настоящей редакции «Недоросля» к периоду, предшествовавшему времени написания «Бригадира», как это делает П. Н. Полевой в своем объяснении, приложенном к настоящей рукописи.

² «Драмматической словарь». М., 1787, стр. 89.

³ Том II. СПб., 1910, стр. 128.

КОМЕДИЯ «НЕДОРОСЛЬ»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аксен Михеич.

Улита Абакумовна, жена его.

Иванушка, сын их.

Добромыслов, дворянин.

Миловид, сын его.

Федул, слуга Аксенов.

Митька, слуга Иванушкин.

Две служанки Аксеновы.

Театр представляет комнату, в которой стоит стол, на столе тарелка с блинами и чашка с маслом. И за тем столом Улита учит Иванушку. Аксен по комнате ходит.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Аксен, Улита, Иванушка. Последней учит азбуку.

Иванушка

Аз, а, а, б, в, г, д, е. Очень я есть хочу. Мама, давай же мне поесть-та.

Улита

Тотчас, батюшка. Прочти еще разок, так и покушаешь.

Иванушка

Я не хочу больше читать. Я есть хочу. Да и тут написано что? Есть¹.

Аксен

Да учись же. Я тотчас и прутом ашерашу.

Улита

И, батька свет, не замай его. Пускай покушает на здоровье. (К Ванюшке) Прочитай еще, дитятко, разок, так и блинок дам. Да и посмотри-тка какие блинки-та поджаренные.

Иванушка

Не хочу. Дай блина, так буду учиться.

Улита

Ну, умница, изволь—покушай.

Аксен

Что бредит как—покушай. Еще ничего сегодня не выучил. (К Ивану) Учись!

Улита

Небось, не слушай его, а возьми блинок да кушай на здоровье. (Умакает блин в масло и подает. Иванушка ест.) Ну, теперь прочитай же еще, умница дорогая.

И в а н у ш к а

Ж, з, и, і, к. (Сжав брюхо) Пусти я ка... (Улита зажимает рот).

У л и т а

Что ты, свет мой, не страмись, бог с тобой. (В самое то время Аксен с серцов плюет.)

А к с е н

ТЬфу, пропасть какая! Докудова ж докормить ?.

У л и т а

Так, мой свет, тебе он поперек горла стал. Был бы он хорош, ежели б в твои руки попался.

А к с е н

ТЬфу, дура. Бес.

У л и т а (к Иванушке, которой чавкая ест).

Накушался ли, умница моя дорогая? Или я еще велю принесть.

И в а н у ш к а

Полно, не могу уж больше есть. Теперь пойду (Встает и уходит.)

У л и т а

Поди, бог с тобой—поиграй.

А к с е н

Что ты бредишь—поиграй. Когда же учиться-то будет? Однако таким манером он ничего не будет знать.

У л и т а

И, и, батька свет, кого и учить-то? Ведь еще ребенок. Бог даст выучится.

А к с е н

Да, ребенок! В его пору уже давно в полках служат.

У л и т а (с серцов)

Неужли то мучить? Сохрани нас боже и помилуй. Я не дам синего волоса на него пасть.

А к с е н

С тобою и говорить не можно. Я совсем не о мученье говорю, а об учении. Какое же учение—что слово скажет, а другое блином забьет.

У л и т а

А как же?

А к с е н

А по-моему так надлежит: часа три, от книги не вставая, учиться, а блинам тут не мешаться. Кушать есть время за обедом да за ужином.

У л и т а

Так, мой свет, чтоб с голоду его уморить? Не сделаю я того.

(Иванушка входит)

ЯВЛЕНИЕ 2-е

А к с е н, У л и т а, И в а н у ш к а

И в а н у ш к а

Мама, есть еще блины?

У л и т а

Есть, дитяtko. Однако поучись еще, так и дам блинка.

И в а н у ш к а

Ну (берет книгу), а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п. Полно. (Закрывает книгу.)

У л и т а

Ну еще прочитай.

И в а н у ш к а

Да не дура ль ты, ведь видишь, что тут написано, чтоб дать покой? — а она свое мелет.

У л и т а

Ну ладно, перестань же, умница моя дорогая.

А к с е н

Как перестать? Не успел книги в руки взять,—она и перестать велит. Уже как я примусь, так у меня не так пойдет. Забудешь уже прихотливить.

У л и т а

(вскоча, рассердясь—схватила блины и масло)

Коли тебя слушать, так и дитя уморим. Кушай, дитятко, не смотри на него. Возьми-тка посмотри блинок-та какой хороший.

(Аксен, встав, сердится ходя)

А к с е н

Будет. Уже выучен таким манером. А по-моему, таки бы я прутом да и дубину снес—вот такой был.

(Улита продолжает кормить)

У л и т а

Покушай, свет мой. Ну я велю еще принести (умакав в масло).

И в а н у ш к а (отталкивает Улитину руку)

Да помажь более. Экая она—масла жалеет.

У л и т а

Изволь, мой батюшка, я ничего для тебя, мой свет, не жалею.

А к с е н (про себя)

Помазал бы дубиной по спине. (Громко) Смотри—его снова рвать станет.

У л и т а

Ата, батька свет, Христос с ним. К чему такие слова—ведь так изурочить можно (крестит Иванушку). Ангел хранитель с тобою.

А к с е н (сев и разложа азбуку)

Читай же, а не то так худо будет.

(Иванушка, набив рот блинами, поперкнув в самые глаза отцу и матери, кои, закрыв лицо руками, закричали: Охти меня, ослепил! Иванушка, захохотав, ушел. Оставшие утирают глаза.)

У л и т а

Экой проказник какой. Он и ушел. Да пускай погуляет—час ему доброй.

А к с е н

Однако, Улитушка душенька, мы много воли нашему Иванушке даем.

У л и т а

И, и, душенька. Ведь еще ребячье дело. Теперь-то ему и повеселиться, а уже как в службу пойдет, так и все его веселье пропадет.

А к с е н

Да как же его на службу отпустить? Детине 20 лет, а грамоты еще не знает.

У л и т а

Так, мой свет, грамоте... Так что ж в том диковинки—лишь бы был жив—бог с ним.

А к с е н

Да кто о том говорит, ведь и я желаю ему здоровья. Да только надобно, чтоб не был дурак.

У л и т а

Небось, будет хорош, Христос с ним.

А к с е н

А я так опасуюсь, чтоб от неги твоей не был бы негодницей.

У л и т а (с серцов)

Тьфу, какая беда! Что прорекует. Никак ты, батька, с ума сошел? Против своей крови такие словеса мелишь, чего и суций злодей не скажет. Никак он тебе не надобен.

Комедия

и Недоросль

Действующие лица

Алиса, ухота, иванушка

Последняя гора адского

иванушка Александр В. П. Д. С. Оми
и Ефим хой мама гаварит мне
Полемба.

ухота : мотвсава Самбука
Проста все ратава макепору
и все

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ РАННЕЙ РЕДАКЦИИ КОМЕДИИ Д. И. ФОНВИЗИНА „НЕДОРОСЛЬ“
Институт Русской Литературы, Ленинград

Аксен (рассердясь)

Ата, какая дура проклятая, согрешил грешной! Не даст слова сказать. Экая збалмошная баба! Да можно ли тебе без сердца со мною говорить? Да как и я вспыхну—так худо будет; ведь плеть обуха не перешибет.

Улита

И, и, Михеич, свет мой, ты и разгневался. Ведь я еще ничего тебе худого не сделала.

Аксен

Еще сделать,—довольно того, что и слова твои меня трогают, которые однако ж я недолго буду сносить—тотчас перестанешь огрызаться, как собака.

Улита (заплакав)

Воля твоя—что хочешь то делай. Я вся твоя и слова теперь не скажу. О, господи, господи, под старость дал бог радость. Хи, хи, хи. (Плачет).

Аксен

Ну, Улита Абакумовна, не плачь же, не плачь. Помиримся, душенька; поди ж сюда.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Иванушка и те же

Иванушка

Мама, о чем ты плачешь?.. Что ж молчишь—скажи. Конечно тебя батька обидел.

Аксен

Да, я. А все за тебя, дурака.

Иванушка

Как за меня? (Тихо) Не видал я того.

Аксен

Ба! ты уже, дурачина, против меня идешь?

Иванушка (молча)

Бранит, старой чорт; лишь тронь—то чортом перековеркаю.

Аксен

Что ты не отвечаешь? Ба, да ты еще и бранишь! Так постой...

(Подымает трость на Иванушку, которой, охватя рукою, так сильно дернул, что отец упал, а Ваня, бросив трость в ноги матери, и ее ушиб.)

Аксен (плачет, лежа на полу)

Ох, о-ох, косточки все переломал. Вот тебе блинки твои. Ништо, еще не то будет. (Встает потихоньку.)

Улита (хромая, охает)

Ведь он, дитятко, за меня вступился.

Аксен

Совершенная ты дура. Да что с тобою говорить! (Ушел.)

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Иванушка и Митька

Иванушка

Ну, брат Митька, как же я батьку-то цапнул—ажно как пласт на пол растянулся.

Митька

Да за что так, барин?

Котеевъ
Недоросль

Деятвующіе лица

Аиловъ михей

Влата ивановна жена его

Ивануша Свѣтъ хх

Добролюбиводъ дворянъ

Миловодъ свѣтло

Фредъкъ Слуга аиловъ

Матрѣ Слуга ивановна

двое служанки аиловы.

театръ Представляетъ Юдана гл. 4
Федора Емеля Слуга названъ муромъ
Волынка, Маша Слуга Юдана. И да ждѣтъ
смерти, убога убога Павлуша къ сессіи
докончатъ ходитъ.

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ ВЪ РУКОПИСИ РАННЕЙ РЕДАКЦИИ КОМЕДИИ

Д. И. ФОНВИЗИНА „НЕДОРОСЛЬ“

Институтъ Русской Литературы, Ленинградъ

И в а н у ш к а

Как же не так: матку обидел, ажно она заплакала.

М и т ь к а

Ну так за дело ж.

И в а н у ш к а

Да и матке-то досталось на кисель—ажно взвыла голосом.

М и т ь к а

Так ты, сударь, обоих отбезделавал? Ладно, барин! Смирнее будут. Однако, что вам за то от них было?

И в а н у ш к а

Я не дождался, ушел, и с тех пор их не видал. Да чему ж быть? Неужли то меня бить будут?

М и т ь к а

Да ведь не поклонятся—чистехонько-таки высекут и плакать не велят.

И в а н у ш к а

Никак не боюсь того. Я с обоими справлюсь,—посмотри-тка, какая у меня сила. (Берет за ворот Митьку и повертывает.) Потянись-ка со мной на палки.

М и т ь к а

Извольте. Да неужли-то вы меня перетянете? Изволь сударь. (И сели. Берут палку и тянутся; Иванушка перетягивает.)

Я В Л Е Н И Е 2-е

Ф е д у л и т е ж е

Ф е д у л

Эх, барин, на какие забавы ты время тратишь, а о книге, сударь, не помышляешь. Извольте-ка батюшке-то показаться. Разбил, сударь, стариков так, что с места не встают. Хорошее ли дело? и день-деньской вы их не видите. Да и в нашем быту то непростительно.

И в а н у ш к а (встав)

А ты что за учитель пришел? Когда батьке я не спустил, то тебе и подавно. (Подымает палку, Федул отходит, Иванушка в него палку бросает.)

М и т ь к а

Хорошенько его, сударь, эдакого укащика! Как он смеет с вами говорить. Дай ему, сударь, знать, что и ты такой же господин, что и старой-то хрен.

Ф е д у л (появившись опять)

Выслушайте, сударь, моих простых речей и не замайте меня, покудова их не окончаю.

И в а н у ш к а

Ну, говори—я тебя ничем не трону.

Ф е д у л

Извольте ж выслать этого плута и обманщика. Мне при нем нельзя говорить.

И в а н у ш к а (к Митьке)

Поди на час от меня.

М и т ь к а

Я вижу, барин, что он на меня вам наговаривать будет. (Уходит.)

Ф е д у л

Вы знаете, сударь, что я служил вашему дедушке и батюшке и всегда служба была моя верна; а когда бог не сошлет по душу, то и вам буду служить, да и думаю, что и по летам вашим пора и в службу вам вступить, а кроме меня вам некого с собою взять. Я бывал в походах и знаю, как там поступать; так не рассердитесь, что я стану говорить.

И в а н у ш к а

Нет, не буду, право.

Ф е д у л

И прикажете смело говорить?

И в а н у ш к а

Говори, что хочешь.

Ф е д у л

Ну, сударь. Я хочу у вас спросить, имеее ли вы намерение в службу вступить?

И в а н у ш к а

Как же без того; а другое дело, и сам не знаю, как батька хочет.

Ф е д у л

Так я вам доношу: что то необходимо должно быть и того государь требует; однако вы мало изволите о том помышлять, а по летам вашим уже и время прошло. Ох, сударь, слезы не дают мне говорить. (Плачет.) Что нам, сударь, делать? Вы теперь в таких летах, что моложе вас уже офицерами, а вы и в службу еще не вступили, да и надежды нет иметь хорошие ранги.

И в а н у ш к а

Да почему же так?

Ф е д у л

Простите ль моей усердной грубости, естли что скажу?

И в а н у ш к а

Я уж тебе сказал, что все говори, что хочешь.

Ф е д у л

Милостивой государь! Не от хотения язык мой мелет, а от жалости, видев, что вы себя к погибели готовите.

И в а н у ш к а

Как к погибели?

Ф е д у л

Да как же, сударь, не так? Рассудите милостиво: выучили ль вы грамоте и знаете ль писать? Ведь, сударь, уж бороду бреете. Господина Добромыслова сын, сказывают, уже и иностранными языками говорит и давно уже офицер.

И в а н у ш к а

А что тебе до того нужды?

Ф е д у л

Ежели бы нужды не было, то я и не плакал бы. Ведь и нам весело, когда господа хороши, да умны. Послушайте моего глупого совету и пойдите к батюшке и попросите у него прощения да начните учиться поскорее, чтоб вам современем не плакать было.

И в а н у ш к а

Небось, никогда не заплачу. (Хочет итти.)

Ф е д у л

Ну, барин, увидишь и меня вспомянешь. А куда изволишь итти, не к батюшке ли?

И в а н у ш к а (показывает шиш и говорит)

Вот тебе. (И с тем уходит.)

Ф е д у л (один)

Как горох к стене не льнет, так-то ему слова. Вот какая честь отцу. Да ништо, зачем волю давал. Правда пословица говорится, что ученье свет, а неученье тьма. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Аксен, Улита и Федул

Аксен (к Федулу)

Видел ли ты нашего дитятку Иванушку?

Федул (чесав голову с огорченным видом)

Видел, сударь. Он сейчас изволил отсель выйти. Я и звал к вам, но никак не хочет итти.

Аксен

Однако к столу придет ужю?

Федул

Не думаю, сударь, чтоб пошел. Он так на вас рассердился, что и вспомнить не дает, за что меня чуть до смерти не убил.

Аксен

Так где же он кушать-то будет?

Федул

Не знаю, сударь.

Улита

Велеть было ему приготовить особливо. Пусть его уходится, посердится да и перестанет.

Аксен

А я так сужу—не давать ни куска, покуда сам не придет, пусть себе сердится. У сердитого губы толсты, да в брюхе пусто.

Улита

Так, мой свет, уморить его? Воля твоя, я не стерплю да пошлю блинков и чего-нибудь еще, пусть покушает, ведь рождение наше. Много ли их у нас—один, как глаз во лбу, да хотим с голоду уморить.

Аксен

Доведешь ты своею негой до совершенных бед.

Улита

Аксен Михеич, ведь еще ребенок! Будет постарее, то совсем переменится. Не долго ему повольничать. Вот как в службу запишется, то все веселье отойдет.

Аксен

Ее ничем не уговоришь. (Уходит.)

Улита (одна)

Ах, служба, служба, государева! (Голосом воев.) Как-то тебе, дитятко, привыкать-то будет на чужой, дальней сторонушке, кто-то тебя сердечушку приголубит? Ах, сердешно дитятко, кто тебе даст блинка и пирожка? Не будет у тебя ни батюшки, ни матушки, ни роду, ни племени, к кому б приклонить буйную свою головушку. Хи, хи, хи. (Плачет.) Отпущу с тобою, дитятко, няню Агафью, она иногда и блинов тебе испечет. (Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ III^б

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Улита, Аксен и две служанки (последние в телогреях.)

Улита

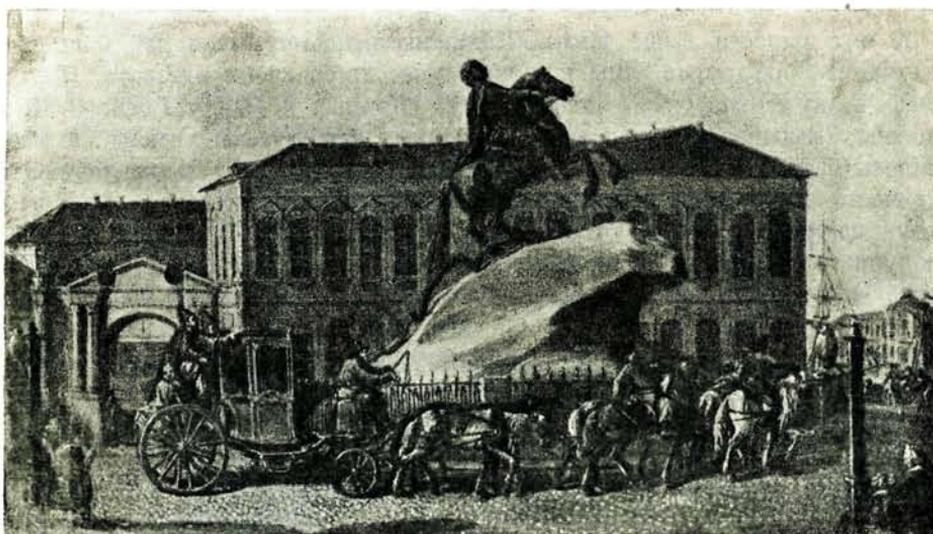
Я, свет мой, слышала, что к нам гости будут.

Аксен

А кто такие?

Улита

Добромыслов с сыном^б.

ЗДАНИЕ СЕНАТА И ПАМЯТНИК ПЕТРУ I
Картина маслом К. Ф. Княппе (около 1799 г.)
Русский Музей, Ленинград

Аксен

Так надобно прибрать. (К служанкам) Пошли сюда Федула.

Улита

Ужо посмотрим, как-то они выучены.

Федул входит

Аксен (к Федулу)

Прибери горницы хорошенько, накрой стол ковром, поставь стулья порядком, а скамьи вынеси вон. А ты, Агафья, выдай свеч, да скажи, чтоб нигде лучина не горела; а сама надень камчатную телогрею, а ты, Федул, надень ливрею, пусть видят, что у нас все есть.

Ужо увидишь тверских [петербургских]⁷-то разумниц. Право, не лутче нашего Иванушки будут.

Улита

А я думаю, что еще и хуже, да хватись, что и богу забыли молиться, да думаю, чего боже сохрани, научились в пост мясо есть. О! избавь от того, боже, лутче дурак будь, нежели одинова в пост оскоромиться.

Аксен

Ужо, душенька, увидим ученых-то деток, за которых разорил деревни; легко ль то сказать! Что сверх пяти алтын с души собрав еще пятьдесят рублей заплатил, а у нас так на таковые деньги Иванушка часослов, псалтырь, чети минеи и пролог и все молитвы наизусть выучит.

Улита

Да не хуже будет, а чего лутче, что при своих глазах, а хватись, Добромыслова сын нужды-то, нужды навидался. Я чаю и с голоду помирали. Куда бы я рада была, ежели бы он хуже нашего Иванушки был. Ах! как я вспомню глупость Добромыслова: без всякой жалости отпускал его в школу, да еще и нам советовал, чтоб и мы так же с своим Ванюшею поступили; однако не обманул нас. Куда бы я обрадовалась, естлиб он хуже нашего выучился.

Аксен

А я с радости выше Ивана Великого вскочил бы, а дай бог, ужо одумались бы другие отцы в чужие руки детей своих отдавать. Послушай-ка, душенька, что я тебе скажу. Намнясь я был у Родиона Ивановича Смыслова и видел его сына, также французами ученого. И случилось быть у него в доме всенощной и он заставлял сынка-то своего прочесть святому кондак. Так он не знал, что то кондак, а чтоб весь круг церковной знать, то о том и не спрашивай. Поверишь ли, разлапушка, что естли б я на месте отца его был, то со стыда сторел бы, а он еще тому и рад был. Да еще что сказал: поди-тка к своим французским книжкам, а это дело не твое. Так вот, душенька Улита Абакумовна, чему иные отцы детей своих учат.

Улита

Ау! та не овца, которая за волком пошла, так-то и Смыслов сын. Не будет в нем пути, коли молитвы не умеет прочитать, а наш Иванушка лутче нас повеселит. Он теперь и не учась Господи помилуй пропоет.

Аксен

Однако, Улитушка душенька, впрочем мне весьма полюбился сына его поступок. И как пред отцом своим учтив, послушен и покорен—воля твоя, лутче, чем наш Иванушка.

Улита

И, батька свет! Наш еще ребенок—у него еще игрушка на уме.

Аксен (вздохнув)

Ребенок, а тот еще моложе. Да не о том дело. Ох, блины твои доведут нас до слез.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Федули те же

Федул

Рыдван, сударь, какой-то на двор въезжает, весь на золоте, а в нем сидят три человека разобравши и ужесть как.

Девка (вбежав закричала)

Гости! Гости! Ахти пропали мы совсем!

Аксен

Не кричи, проклятая! Убирайте поскорее.

(Хозяин, бегая взад и вперед, тож и хозяйка и служанки в виде суетности. Служанки с тарелками, люди с стульями. Иному запутатца и упасть на хозяина и его подтолкнуть на хозяйку, у которой чепец сбить с головы и опростоволосить. Она должна закрыть голову и идучи кричать.)

Улита

Непотребные каналы, бестии! Всех велю пересечь до смерти.

Аксен

Перестань, душенька, кричать-то—гости на крыльцо уже идут. Поди-тка, встретить их.

Улита

Вот тебе на! встретить. Где трудно, так жена поди. Изволь сам итить встречать, а я не прибравши и не скоро выду.

Аксен

Ты ни в чем меня слушать не хочешь, так поди же ⁸.

Федул (в странной ливрее)

Гости, сударь, в передней стоят. Прикажешь ли впустить?

Аксен

Для чего ты их остановил?

Ф е д у л

А как же, сударь—вы не были готовы.

А к с е н

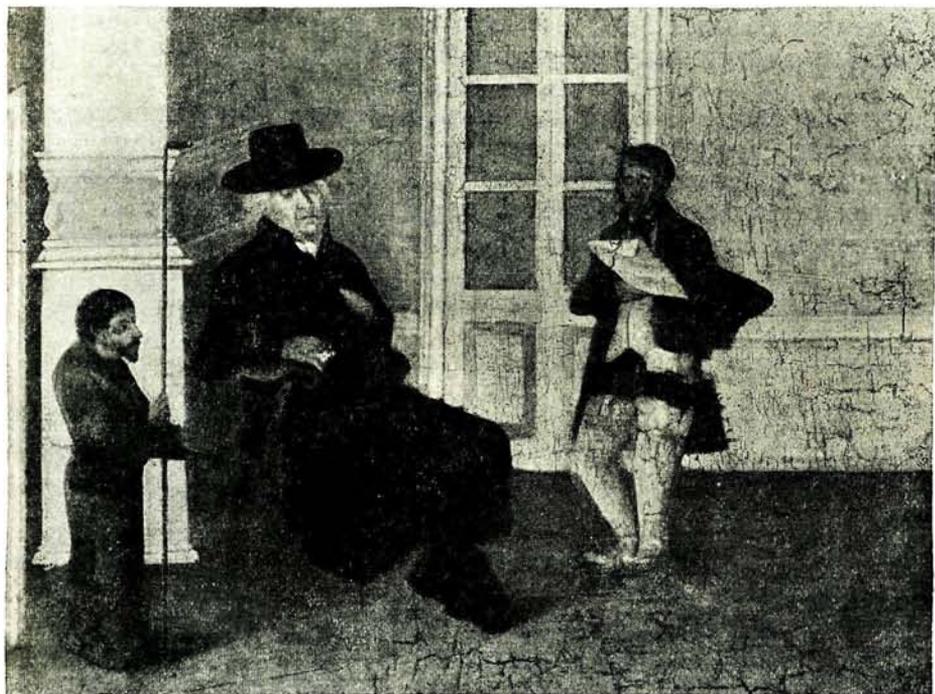
Экой дурак! (Приближась к кулисам, крепко) Добро пожаловать, дорогой соседушка, не прогневайся.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Д о б р о м ы с л о в, М и л о в и д и т е ж е

Д о б р о м ы с л о в

Желаю здравствовать, милостивой государь. Я любя вас и почитая много, за первой долг счел, возвратясь с сыном своим из Твери [Петер-

ДОКЛАД ПРИКАЗЧИКА ПОМЕЩИКУ
Картина неизвестного художника (конец XVIII в.)
Исторический Музей, Москва

бурга]», впервые отдать вам, милостивому государю моему, усердное свое почтение и притом рекомендовать и сына своего.

А к с е н

Покорно благодарствую. Так это сын ваш?

Д о б р о м ы с л о в

Да, сударь, он самой, которой приносит вам свое почтение и просит вашей милостивой ласки.

А к с е н

Благодарствую, благодарствую. Так поцелуйте же. (И целует.) Ражой молодец. И как велик вырос, а я знал такого маленького. (Указывает рукою.)

Д о б р о м ы с л о в

Так сударь, старой старится, а молодой растет. Мы же с вами больше не вырастем.

Аксен

Ау, время наше прошло, были и мы таковы ¹⁰. Между тем прошу пожаловать садиться.

(Садятся)

Добромыслов .

Чем изволите время препровождать?

Аксен

В разном домашнем хозяйстве, а иногда книги читаю, а больше всего мое утешение, что сына грамоте учу.

Добромыслов

Как, сударь, еще грамоте учите!

Аксен

А как же больше? Ведь он вашего сына тремя годами только старше, неужли-то ваш сын выучил уже грамоту?

Добромыслов

Какая грамота! Он уж выучился по-немецки, по-французски, по-итальянски, арифметику, геометрию, тригонометрию, фортификацию, архитектуру, историю, географию, танцевать, фейхтовать, манеж и на рапирах биться и еще множество наук окончил, а именно на разных инструментах музыкальных умеет играть.

Аксен

А знает ли он часослов и псалтырь наизусть прочесть?

Добромыслов

Наизусть не знает, а по книге прочтет.

Аксен

Не прогневайся ж, пожалуй, что и во всей науке, когда наизусть ни псалтири, ни часослова прочесть не умеет,—поэтому он церковного устава не знает.

Добромыслов

А для чего ж ему и знать? Сие предоставляется церковнослужителям, а ему надлежит то знать, как жить в свете, быть полезным обществу и добрым слугою отечеству.

Аксен

Да я безо всяких таких наук, и приходской священник отец Филат выучил меня грамоте, часослов и псалтырь и кафизмы наизусть за двадцать рублей, да и то благодати божьей дослужился до капитанского чину. Желая того и сыну своему.

Добромыслов

А долго ли изволили службу свою продолжать?

Аксен

Сорок два года.

Добромыслов

Долгонько же. Боже избавь сына моего такой несчастливой службы.

Аксен

Неужели то вы думаете, что скорее моего до капитанского чина дослужится?

Добромыслов

Конечно, не сомневаюсь. Сохрани боже, естли через два года не будет майором. Тогда присоветую лучше в отставку итить.

Аксен (вскоча)

Как через два года майором, не прослужив и десяти лет? Нет, сударь мой, многова вы требуете. Послужитка он так, как и деда его служили, потри прежде ремень по-нашему. Я покорно прошу выслушать: десять лет был простым драгуном, пять лет капралом, три года

гефрет-капралом, два года квартирмейстером, десять лет вахмистром и в этом проклятом чину я век свой изволочил, и нет ни одной косточки, которая бы палками не была ломана, а уж как перевалился в офицеры, то кроме того, что два раза был на палашном карауле—не был штрафован. Девять лет был прапорщиком. Тогда находился при особой комиссии, а именно при сжигении угольев и при гонке смолы. На десятом году пожалован поручиком, а потом, при отставке, пожалован капитаном. Так рассудите, как же вашему сыну быть скоро майором? А давно ль вы его в службу записали?

Добромыслов

Четвертого году.

Аксен

Вот, изволите видеть, еще шесть лет надобно до капральского чину.

Добромыслов

Какой капрал! Он уже гвардии прапорщик.

Аксен

Что это значит?

Добромыслов

Армейской капитан-поручик.

Аксен

Как капитан-поручик? (Вскоча, с серцов) Статно ль дело не служа ничего. Да за что ж такая честь?

Добромыслов

А за то, государь мой, что он прилежно учился и науку свою скоро окончил; а притом я, никак не жалея, сыскивал разные случаи поместить его в важные комиссии, что удавалось. Зато он получил в два года три чина, а именно-с: квартирмейстеров, сержант и прапорщикей. Благодарю бога, не тупо идет его произведение. Что бог даст вперед; нам такого счастья не было.

У ГОРОДСКОЙ ЗАСТАВЫ В ПЕТЕРБУРГЕ
Картина маслом К. Ф. Кнаппе (1799 г.)
Русский Музей, Ленинград

Аксен (вздыхнув)

Ах, как-то мне с своим Иванушкой быть? Поплетусь сам с ним в Питер.

Добромыслов

Напрасно изволите мешкать.

Аксен

Что ж делать, еще науку не окончил.

Добромыслов

Какой учитель—францус ли или немец?

Аксен (вскоча со стула)

Какой францус! Чорт бы их взял! Кто держит их и тот недоброй человек, а они только научают басурманской веры. Я, сударь, и жена моя учит и учим священного писания, а не французских книг, которые научают только закон Божий не наблюдать, да в пост мяса есть,— а это уж и совсем проклятое дело. Нет, государь мой милостивой, не намерен я его отдавать на руки французам.

Добромыслов

Воля в том ваша. Извините меня, что обеспокоил вас. Оставим сию материю, которая меньше важна, чем разговоры о домостроительстве. И смею у вас спросить, каков ныне хлеб родился?

Аксен (сев, зевая говорит)

Слава богу, рожь сама десяти, а яровое еще не молотил; сено, благодаря бога, выставили при доброй погоде.

Добромыслов

И у меня, благодаря Бога, против прежних годов лутче родился¹¹.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Улита и те же, и две служанки в телогреях. Улита подходя, не говоря ни слова, вдруг оттопыря губы, целуется с гостями.

Добромыслов (к Улите)

Рекомендую вам, сударыня, детей моих в вашу милость.

Улита

Покорно благодарствую.

Аксен

Прошу милости садиться.

(Садятся)

Улита (к Добромыслову)

Неужли то вы и этого малюточку в Тверь [Петербург] возили?

Добромыслов

Да, сударыня, четыре года так жили и, благодаря бога, хорошо учился и уже говорит по-немецки и по-французски довольно хорошо.

Улита

Ахти мне, я чаю, нужды-то, нужды было? (К мальчику) Весело, мальчик, в Питере-то было?

Мальчик

Очень, сударыня, весело.

Улита

Как противу здешних мест?

Мальчик

Несравненно, сударыня, в рассуждении великолепного города, а здесь сударыня, деревня.

Улита

Да и я во многих городах бывала, однако важного ничего в них не нашла, только что людей больше.

Д. И. фонъ-Визинъ.

Д. И. ФОНВИЗИН
Гравированный портрет
Государственный Эрмитаж, Ленинград

М а л ь ч и к

Не то одно веселит, что шум от народа происходится, а лутчее удовольствие состоит в том, что частые собрания и обращение с благородными и разумными людьми.

У л и т а

А как же собрания у вас там бывают?

М а л ь ч и к

Комедии, маскарады, клобы.

У л и т а

Ахти мне, у вас и клопы в дела идут?

М а л ь ч и к

Конечно так, сударыня. Тем-то и научаемся разума.

У л и т а

Да чтож вы с клопами делаете?

М а л ь ч и к

Веселимся, играем концерты и тогда танцуем, а после ужинаем со всею компаниею.

У л и т а

Ах! (Плюет) тьфу, тьфу, и кушаете их? Чего-то проклятые немцы да французы не затеют! Как же они танцуют? Разве дьявольским каким наваждением? У нас их пропасть и нам от них проклятых покоя нет, да только ничего больше наши клопы не делают, как по стенам ползают да ночью нестерпимо кусают—только.

Д о б р о м ы с л о в (улыбнулся, к Улите)

Он, сударыня, не про клопов говорит, а про клобы, о благородном собрании, где все съезжаются, веселятся и разговаривают и научаются, как жить в обществе, и то собрание называется клобом.

У л и т а

А, а... Теперь-то я поняла, где ж мне знать о ваших клопах, а я право думала о наших клопах и очень удивилась, услышав, что вы и кушаете их. Не прогневайся, батюшка мой, мы очень настращены мирскими речами. Сказывают, что у вас в Питере едят лягушек, черепах и какие-то еще устрицы.

Д о б р о м ы с л о в

Устрицы и я ел, и дети, а лягушек не ел.

У л и т а

Ахти! вкушали эту погань! Да не кушали ли мяса в пост?

Д о б р о м ы с л о в

Грешные, сударыня, люди. В Петербурге без того обойтись не можно.

У л и т а

О, боже мой, до чего дожили. А все проклятые французы да немцы—впустили в православную Русь свою ересь. Как земля-мать вас терпит? Так-то и Иванушку нашего научат. Да, хватись, и веру христианскую там забыли?

Д о б р о м ы с л о в

Ах, нет, сударыня. Что касается до веры, то она всем в своей силе находится.

У л и т а (к мальчику)

Да молишься ли ты, батюшка, богу?

М а л ь ч и к

Как же, сударыня, не молиться?

У л и т а

Сложи-тка крест. Каким крестом вы молитесь?

Мальчик складывает крест с улыбкою.

У л и т а

Это по-нашему ж. А бывает ли правило молитвы в ваших-то собраниях и молитесь ли вы там богу?

М а л ь ч и к

Богу молиться, сударыня, есть время поутру и вечеру, сколько угодно и без народного видения, а собрания учреждены для оных залов, следовательно неприлично быть службе божии, где танцуют.

А к с е н

Очень ты, душенька, так любопытствуешь. Что нам нужды, как кто ни молится.

У л и т а

Ну, я и перестану. Кто как хочет, так и живет.

А к с е н (к Федулу)

Позови к нам Иванушку.

Ф е д у л

Тотчас, сударь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каламбур, основанный на обозначении букв азбуки: аз, буки, веди, глагол, добро, есть и т. д.

² Далее в первом списке идут слова Аксена, зачеркнутые во второй редакции: «Да пусти его скорей. Он еще здесь напакостит. Ата, какая дура».

³ Буква «п» читается как—покой. См. примечание 1-е.

⁴ Во втором варианте зачеркнуто и исправлено: Явление 4.

⁵ Во втором списке исправлено: Действие 2.

⁶ Во втором списке исправлено вместо: детьми. В дальнейшем везде вместо дети, детьми и т. д. исправлено: сын.

⁷ В первом списке сперва написано «петербургских», а затем исправлено на «тверских». То же и во всех дальнейших упоминаниях. Однако по смыслу текста явно, что речь идет именно о Петербурге. Поэтому мы восстанавливаем прежний вариант.

⁸ Далее во втором списке зачеркнуто: «А я скажу, что в другую усадьбу уехала».

⁹ См. примечание 7-е.

¹⁰ Далее в рукописи зачеркнуто:

Д о б р о м ы с л о в

Где же ваша фамилия?

А к с е н

Отъехала на час в другую усадьбу, однако через час будет.

¹¹ Далее во втором списке зачеркнуто:

Федул (входит и, облокотясь на плечо Аксену, шепчет под ухо).

А к с е н

Ага и жена моя приехала.

Д о б р о м ы с л о в

Слава богу. Весьма я щастлив.